

СМ **НОВИНКИ****ПРИМИ ПОКАЯНИЕ...**

Семнадцатилетний красноармеец Анатолий Савостьянов, застреливший по приказу гитлеровцев своего старшего товарища Тихона Яковлева, находит приют в старинном монастыре на одном из островов Белого моря. С этого момента все его существование подчинено единственной цели – искуплению страшного греха. Так начинается долгое покаяние длиной в человеческую жизнь... Повесть Дмитрия Соболева «Остров» (издательство «Амфора») посвящена теме духовного возрождения не только согрешивших и кающихся, но и тех, кто ищет свой путь к храму.

ТАИНСТВЕННАЯ МУМИЯ

Поклонники мистического детектива смогут по достоинству оценить новый роман Кэрола Терстона «Око Гора» (издательство «ЭКСМО»). Действие разворачивается в наши дни. Найдена странная мумия: у нее смяты ребра, изрезаны ноги, сломаны руки... Кем была эта загадочная женщина? Что означают рисунки на ее саркофаге? И почему она похожа на Нефертити? Все это предстоит узнать египтологу-любителю медицинскому иллюстратору Кейт Маккиннон и рентгенологу Максвеллу Кавано. Они пытаются найти разгадку далеких времен. Но для этого им приходится с риском для себя раскрывать тайны нашего времени.

ЦВЕТ И СЛОВО

В книге Владимира Альфонсова «Слова и краски» (издательство «Азбука-классика») исследуется связь поэзии и живописи. Это увлекательные очерки о творческих связях поэтов и художников. На конкретных примерах автор прослеживает, как их взаимодействие, общие идеи и чувства, нередко касающиеся важнейших жизненных проблем, приводят к творческим озарениям. В центре внимания русская поэзия XX века – Блок, Маяковский, Заболоцкий, Хлебников, их связи со старыми мастерами живописи и современными художниками.

ФАКТ И ВЫМЫСЕЛ

Проблема взаимоотношений искусства и действительности всегда была в центре внимания теоретиков литературы. Елена Местергази – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН эту проблематику впервые рассматривает на материале крупных произведений XX века. Ее книга «Документальное падало в литературе XX века» – это не только попытка систематизации принятой терминологии, но и анализ художественности и метахудожественности жанра, достоверности и недостоверности факта в литературе. Произведения Александра Солженицына, Светланы Алексиевич, Юрия Лощица и других писателей не просто выстраиваются автором в некий ряд, но и взаимодействуют между собой на уровне исследования, создавая общую картину «правды жизни».

С особым интересом читается третья глава монографии, в которой автор анализирует малоизученный феномен «наивного письма», рассматривая роман А. Чистяковой «Не много ли для одной?».

Думается, книга Елены Местергази, несмотря на ее научный характер, будет интересна не только специалистам-филологам, но и широкому кругу любителей словесности.

На каждый источник знаний нужен источник доходов...

На выставках к нам всегда выстраивается очередь, – рассказывает Лариса Васильевна. – Читатели уже знают о новинках, приезжают специально, чтобы приобрести очередную книгу. Для них цена решающего значения не имеет, потому что ни одно наше издание не похоже на другое. Мы специально не выпускаем серий, а стремимся к тому, чтобы каждое произведение имело индивидуальное оформление.

Вашему издательству около года. Как вы решились начать такое хлопотное и рискованное дело?

– Я двенадцать лет проработала в крупнейшем российском издательстве «ОЛМА». Занималась всеми вопросами – от закупки бумаги до выбора цвета обложки. Поэтому сама издательская деятельность меня не пугала. Что касается рис-

ка... Мне очень по душе книга, и выбрав свой сегмент деятельности, я с радостью взялась за дело.

– Если коротко обозначить кредо издательства «Пан пресс»...

– Мы стремимся создавать книги, которые станут не только украшением домашних библиотек, но и достоянием семьи. Наш девиз – стиль, традиции, качество. Издания «Пан пресс» – это иллюстрированная классика, ориентированная на взрослых. Не потому, что содержание книг не подходит детям. Просто цена каждого тома достаточно высока, и для повседневного чтения лучше брать более доступные и простые издания.

– Какие книги вышли в вашем издательстве?

– Мы сделали только семнадцать книг. Это «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Руслан и Людмила» Пушкина, «Огненный ангел» Брю-

Такие книги берешь в руки с осторожностью, бережно открываешь обложку, нежно, как лепестки розы, переворачиваешь страницы. Золотой обрез, корпус, обрамленный шелком, прекрасные иллюстрации, изысканные графические решения... Издательство «Пан пресс» выпускает не обычную печатную продукцию, которую, прочтя, можно засунуть на полку, отвезти на дачу или подкинуть соседу, выезжающему в отпуск. Эти книги имеют лишь общее название с дешевыми детективными «покетами» и аляповатыми, отпечатанными на рыхлой желтоватой бумаге дамскими романами. «Пан пресс» – это прежде всего любовь к книге и уважение к читателю, который относится к ней, как Марина Цветаева: поэтесса утверждала, что книга не должна быть дешевой и доступной. Впрочем, говорит главный редактор издательства Лариса РИХТЕР, даже относительно высокая цена издаваемых книг не отпугивает покупателей.

ШЕЛК И БАРХАТ ФОЛИАНТА

сова, «Остров сокровищ» Стивенсона, «Поднятая целина» Шолохова, «Маска Красной Смерти» По... Тираж книг невелик. Сначала мы делали три тысячи, позже остановились на полутора тысячах.

– То есть вы создаете книги для элиты?

– Я бы так не сказала. Хотя стоимость некоторых изданий из-за магазинных накруток доходит иногда до ста долларов, наши книги приобретают обыкновенные библиофилы. Каждая книга снабжена уникальными, полиграфически безукоризненно выполненными иллюстрациями. Для многих людей она является чем-то вроде художественного альбома. У нас работают лучшие книжные художники: Денис Гордеев, Алексей Томилин, Сергей Лемихов, Юлия Евстратова и другие. В каждом томе минимум двадцать полностраничных иллюстраций, выполненная в едином стиле обложка и графика на каждой странице.

– Где печатаются книги?

– В Италии и Венгрии. Был опыт сотрудничества с издательством «Новости». Не хочу никого обижать, но, увы, качество отечественной полиграфии нас не удовлетворило. Теперь мы купили переплетную машину и поставились все же обходиться отечественными мощностями. Во-первых, лучше быть рядом и контролировать цикл, а во-вторых, при печати за границей все дополнительные расходы – перевозка, растаможка и т.п. – отражаются на цене книги.

– Расскажите о ближайших планах.

– Хотим начать детскую серию. Она будет более доступна. Книгу, которую ребенок будет таскать с собой повсюду, нет смысла облекать в шелк и бархат. Это не значит, что мы уйдём от качества, просто такие книги не будут полиграфическими раритетами. Кроме того, мы планируем запустить серию современной российской прозы. И продолжать, конечно, нашу элитную серию.

– В чем главная проблема, с которой сталкивается издательство?

– Сложность реализации. Увы, проза жизни нам здорово мешает. Согласитесь, не имея налаженной системы сбыта, трудно реализовать наши восемнадцать наименований книг. Но это проблема временная, с кото-

рой мы обязательно справимся.

– Не могу не задать вопрос, который наверняка тревожит и вас. Порой кажется, что так называемые литературные проекты, подкрепленные телевизионными экранами, все больше отодвигают от читателей настоящую, имеющую корни в классической отечественной словесности, литературу. Мы и о Достоевском-то вспоминаем иногда лишь в связи с успешной телепремьерой... Что можно сделать, как воспитать у читателя вкус, помочь ему отличить чтиво от чтения?

– Мне кажется, делать ничего не нужно. Я убеждена, что люди все равно будут читать. И связь «писатель – книга – читатель» не прервется. Всегда найдутся те, для кого даже тактильный контакт с изданием будет радостью, а книга останется источником духовности и культуры. Другое дело, что нужна серьезная государственная программа пропаганды чтения.

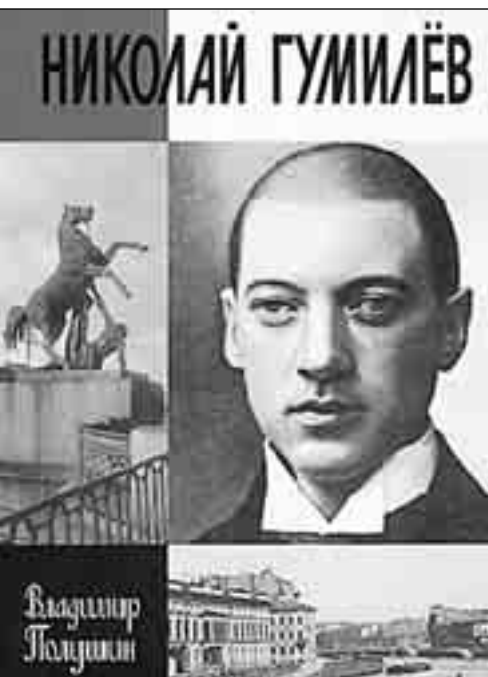
– Почему пропаганды чтения? Потому что ни один национальный проект не может быть реализован необразованными людьми, и нельзя найти замену книге ни в интернете, ни в телевидении.

«...Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа. Только пост и бдение, даже если они невольные, пробуждают в человеке особые, дремавшие прежде силы».

Эта фраза взята из редко цитируемых «Записок кавалериста» Николая Гумилева – поэта, воина и пророка, предугадавшего в стихотворении свою судьбу: безвременную гибель от пули врага. Один из самых тонких лириков Серебряного века только начинает говорить с читателем во весь голос. Увы, если охватить масштаб дарования и значимость его поэзии, творчество Гумилева занимает сегодня слишком скромное место в отечественной культуре. Уж очень долго его имя было опутано колючей проволокой политической конъюнктуры, его вымарывали из учебников и энциклопедий.

Но книги живут вопреки воле вождей и политиков. В годы официального забвения Гумилева помнили, а книги «в списках» и машинописных копиях переходили от одного поколения к другому. Современник поэта литератор Лев Горнунг, оставивший замечательные записки, показывал мне в уже далеком 1973 году пожелтевшую газету. Там было сообщение о разоблачении заговора профессора Таганцева, в котором участвовал Николай Гумилев. Горнунг берег газету больше полувека. Так же, как и маленькие книжечки «Колчан», «Жемчуга», «Костер» – прижизненные издания стихов поэта. Но особенно ценился среди поклонников поэта «Огненный столп» – последний сборник, вышедший в авторской редакции и по стечению злобных обстоятельств отпечатанный типографией почти день в день с приведением в исполнение приговора петроградской ЧК.

Рецензенты часто употребляют в качестве влюбленного эпитета слово «подарок». Конечно этот прием – не более чем лукавство исчерпавшего по-

**ВОИН,
ПОЭТ,
ПРОРОК**

хвалы автора. Но если уж читатель ждет подарка, то он его получит, открыв кропотливое и всеобъемлющее исследование Владимира Полушина «Николай Гумилев: жизнь расстрелянного поэта» (издательство «Молодая гвардия»).

Книга стала своего рода хроникой жизненного пути поэта. Владимир Полушин, несомненно, самый глубокий из ныне живущих знатоков творче-

ства Гумилева, рассказывает о его предках, детстве, первых стихотворных опытах и юношеских увлечениях. Страстная влюбленность в Анну Ахматову, неудачное сватовство, попытка самоубийства, воспитание в себе характера «конквистадора»... А затем – череда донжуанских побед, путешествия в Африку, создание своей поэтической школы, написание лучших стихов.

Война 1914 года стала для поэта проверкой самого себя. В то время, как большинство доказывало свою любовь к родине в тылу, Гумилев уже в июле отправился добровольцем на фронт. Современник поэта А. Левинсон пишет: «Патриотизм его был столь же безоговорочен, как и безоблачно его религиозное вероисповедание»... А затем – череда донжуанских побед, путешествия в Африку, создание своей поэтической школы, написание лучших стихов.

Война 1914 года стала для поэта проверкой самого себя. В то время, как большинство доказывало свою любовь к родине в тылу, Гумилев уже в июле отправился добровольцем на фронт. Современник поэта А. Левинсон пишет: «Патриотизм его был столь же безоговорочен, как и безоблачно его религиозное вероисповедание»... А затем – череда донжуанских побед, путешествия в Африку, создание своей поэтической школы, написание лучших стихов.

Можно уверенно говорить о фабрикации заговора Таганцева. Но ни у кого нет сомнений в том, на чьей стороне был Гумилев в период красного террора в России. Он не мог оставаться равнодушным созерцателем событий. Вот свидетельство его ученика и известного поэта Николая Оцупа: «Помню жестокие дни после крушения восстания. На грузовиках вооруженные курсанты везут сотни обездороженных кронштадтских матросов. С одного грузовика кричат: «Братцы, помогите, расстрелять везут!» Я схватил Гумилева за руку. Гумилев перекрестился...»

Полушин рассказывает об окружении поэта, времени, в котором он творил, и, что, на мой взгляд, особенно значимо, не отстраняется от оценки. Его голос слышен за густой пеленой фактов и исторических свидетельств. И позиция литератора-исследователя наверняка не оставит равнодушными ни тех, кто знает творчество Гумилева, ни тех, кто только открывает для себя это имя.

В одном из писем другу-символисту Федору Сологубу поэт пишет: «Мне всегда было легче думать о себе как о путешественнике или воине, чем как о поэте...»

И все же Николай Гумилев прежде всего поэт, стихи которого хочется читать и перечитывать: «Есть Бог, есть мир, они живут вовек, А жизнь людей мгновенна и убога, Но все в себя вмещает человек, Который любит мир и верит в Бога».